

**МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА
СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК**

**СПРАВЕДЛИВОСТЬ
В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРАВОПОРЯДКЕ:
понятие, принцип, цель**

Сборник статей

**Издательство «Юрлитинформ»
Москва
2021**

Слыщенков Владимир Александрович

Кандидат юридических наук, доктор права, доцент кафедры
сравнительного права факультета права Московской высшей школы
социальных и экономических наук (МВШСЭН).

ПОСЛЕ КАПИТАЛИЗМА, ПОСЛЕ СОЦИАЛИЗМА: НАЕМНЫЙ ТРУД И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Аннотация. Непригодность капитализма для решения проблем современного общества приобретает критические масштабы. Дополненная несостоительностью реального социализма как единственной практической альтернативы капиталистическому устройству, такая непригодность порождает ощущение трагической безысходности. Сложившиеся обстоятельства актуализируют научный поиск вариантов посткапиталистического и постсоциалистического общественного развития, возможностей преодоления противоречий капитализма без опоры на марксистскую политическую экономию и социалистические иллюзии. Вместе с тем представляется неоправданным игнорирование исторического опыта социалистического общества, первым попытавшегося вырваться за пределы капитализма. Сугубо капиталистический подход к устранению недостатков капитализма выражается в теории базового дохода, которая в конечном итоге лишь усиливает капиталистическую экономику и укрепляет сложившуюся несправедливую систему экономического господства. Противоречие капитализма корениится отнюдь не в лишении средств труда многочисленных работников, вынужденных поэтому зарабатывать на жизнь наемным трудом на капиталиста, но в покупке капиталистом труда или рабочей силы наподобие товара. Труд оказывается принадлежностью капитала, отсюда трудовое отчуждение, потеря работником себя в трудовой деятельности. Марксистское решение сводится к устраниению капиталиста как покупателя рабочей силы, которое не избавляет от трудового отчуждения, поэтому не приносит свободу, ибо на деле не способствует возвращению трудящегося из трудовой деятельности обратно к самому себе. При капитализме труд принадлежит капиталу, при социализме капитал – труду, но в обоих ситуациях работник является только средством. Важнейший урок социализма, включая последствия падения этого общественного строя, заключается в наглядной демонстрации способности труда создавать капитал в отсутствии капиталиста. Оставленное социализмом материальное богатство представляет собой чистый человеческий или трудовой капитал, который нужно поэтому отличать от обычного, принадлежащего капиталисту физического или имущественного капитала. Только теперь наемный труд сбрасывает ложную оболочку продажи и покупки якобы товара, обнаруживает свое истинное значение ежедневной осуществляющей каждым работником инвестиции или вклада в коммерческое предприятие. Поэтому справедливая оплата наемного труда состоит отнюдь не в большей заработной плате, но в выплате работнику части прибыли вместо заработной платы. Причем для надлежащего отделения прибыли на человеческий капитал от принадлежащей капиталисту прибыли на физический капитал предприятие предварительно отчисляет законодательно определенный процент выручки как полученную прибыль на человеческий капитал в общегосударственный

фонд трудового капитала, который из полученных средств на периодической основе выплачивает каждому наемному работнику на всех предприятиях национальной экономики универсальный трудовой доход строго одинакового размера. Предприятие вправе без всякой дополнительной оплаты труда или налоговой нагрузки нанимать на ставку универсального трудового дохода такое количество работников, которое соответствует результату деления отчисляемой этим предприятием прибыли на универсальный трудовой доход в абсолютном выражении. Предлагаемый универсальный трудовой доход радикально меняет социально-экономическое устройство, делает наемного работника подлинным хозяином своего труда, закладывает основу цивилизма как нового общественного строя, преодолевающего несправедливость капитализма и социализма.

Ключевые слова: наемный труд, базовый доход, несостоятельность марксизма, противоречие между трудом и капиталом, конец капитализма, универсальный трудовой доход, цивилизм

Vladimir A. Slyshchenkov

Candidate of Legal Sciences, Ph. D. in Law, Associate Professor of the Comparative Law Department, Law Faculty, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES).

AFTER CAPITALISM, AFTER SOCIALISM: HIRED LABOUR AND JUSTICE

Abstract. Inability of capitalism to resolve problems of modern society is getting a critical scale. Being supplemented by a failure of real socialism as an only practical alternative to a capitalist system, such inability creates a feeling of tragic hopelessness. The existing circumstances make urgent a scientific search for the options of postcapitalist and postsocialist social development, possibilities for overcoming contradictions of capitalism without reliance on the Marxist political economy and socialist illusions. At the same time, it seems unjustified to ignore the historical experience of a socialist society which first attempted to break beyond the limits of capitalism. A purely capitalist approach to eliminating the deficiencies of capitalism is reflected in a theory of basic income which ultimately only reinforces the capitalist economy and strengthens the established unfair system of economic dominance. The contradiction of capitalism is rooted by no means in that numerous workers are deprived of means of labor and hence are forced to earn their living by hired labour for a capitalist but in that a capitalist purchases labour or work force like goods. Labour becomes an accessory of capital, this results in a labour alienation, a loss by a worker of himself in a labour activity. The Marxist solution is reduced to removal of a capitalist as a purchaser of labour force that does not save from a labour alienation hence does not bring freedom because in practice it does not help the worker to return from a labour activity back to himself. By capitalism labour belongs to capital, by socialism capital belongs to labour but in both situations a worker is only a means. The most important lesson from socialism, including outcomes of a fall of this social order, consists in an obvious demonstration of a capacity of labour to create capital in absence of a capitalist.

The tangible wealth left by socialism represents a pure human or labour capital which shall be hence distinguished from an ordinary physical or proprietary capital owned by a capitalist. Only now a hired labour throws away a false form of sale and purchase of quasi goods, and shows its true meaning of an investment or a contribution into a commercial enterprise made by each worker on a daily basis. Hence a fair remuneration of a hired labour by no means consists in a larger salary but a payment to a worker of a portion of an income instead of a salary. And for proper separation of an income on human capital from an income on physical capital to which a capitalist is entitled the enterprise makes a preliminary transfer of a legally determined percentage of receipts as a received income on human capital to a national fund of labour capital, which from the received monetary amounts regularly pays to each hired worker on all enterprises of a national economy a strictly equal universal labour income. An enterprise may without any additional remuneration of labour or a tax burden hire at a rate of a universal labour income such number of workers, which corresponds to a result of division of the income on human capital, transferred by this enterprise, to the universal labour income in absolute value. The suggested universal labour income radically changes a socio-economic system, makes a hired worker a true master of his labour, lays a basis of civilism as a new social order which overcomes injustice of capitalism and socialism.

Key words: hired labour, basic income, failure of Marxism, contradiction between labour and capital, end of capitalism, universal labour income, civilism

Многочисленные критические проблемы современного глобального капитализма вкупе с окончательным распадом к концу XX в. основанной на марксистских идеях социалистической общественной системы как антикапиталистической альтернативы актуализируют поиск возможных путей дальнейшего общественного развития. Стремление к более справедливому социальному устройству останется бесплодным без надлежащего осмысления феномена наемного труда, потому что капиталистическая экономика основана на наемном труде. Посредством этой господствующей формы общественно полезный труд становится социальной системой, которая отчуждает человека. Иначе говоря, общественный труд при капитализме, тем более при социализме, оказывается отчужденным трудом, занятый которым человек не принадлежит себе. По выражению Х. Арендт, человеку уготована судьба трудящегося животного, захваченного почти физиологическим круговоротом производства и потребления. Тягостное трудовое отчуждение уравновешивается радостным потребительским отчуждением, при этом отчуждение как таковое становится только прочнее. Человек как такой не потребляет, потребляет производство посредством человека.

Искомая посткапиталистическая и постсоциалистическая справедливость общественного устройства видится неразрывно связанной с преодолением отчуждения человека наемным трудом без ущерба для

трудовой деятельности как таковой. Сугубо капиталистический подход к этой проблеме выражается в теории базового дохода. Напротив, антикапиталистическое решение предлагается марксистским социалистическим учением. Практическая и теоретическая несостоятельность последнего открывает новую перспективу, которая не принадлежит ни капиталистической, ни социалистической парадигме, но именно поэтому может оказаться более результативной.

Основные положения базового дохода

Теория базового дохода впервые, как обычно считается, обоснована и обстоятельно изложена известным просветителем и деятелем Американской революции Т. Пэйном в небольшой работе *Аграрная справедливость*. Наследники земельной собственности должны выплачивать в специальный общенациональный фонд десять процентов (а боковые наследники – до двадцати двух процентов) от стоимости наследуемой земли в порядке возмещения «естественного наследства», прошедшего к новым владельцам⁴²². Ибо хотя обработанная земля принадлежит собственнику индивидуально, земля как таковая (то есть нетронутая обработкой) по природе является общим достоянием человеческого рода, тем самым опосредованно каждого человека. Введение земельной собственности объясняется невозможностью отделить улучшения в результате обработки от необработанной земли, однако одновременно лишает несобственников изначального естественного права на землю⁴²³. Помимо поземельных отчислений Т. Пэн предлагает наполнять общенациональный фонд также десятой долей от стоимости наследуемого движимого имущества. Обоснование несколько другое. Если необработанная земля является общей собственностью по природе, то движимая собственность отчасти принадлежит обществу, поскольку выступает следствием существования общества. Иными словами, собственник должен платить за социальную организацию, сделавшую индивидуальную собственность вообще возможной: «...человек так же не сможет приобрести движимую собственность без помощи общества, как не в силах сам создать землю»⁴²⁴.

Денежные средства из таким путем финансируемого общенационального фонда должны выплачиваться каждому гражданину, бедному

⁴²² Пэйн Т. Аграрная справедливость // Избранные сочинения. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 387.

⁴²³ Там же. С. 382–383.

⁴²⁴ Там же. С. 392.

или богатому (любой может отказаться), следующим образом: пятнадцать фунтов стерлингов единовременно по достижении двадцати одного года; десять фунтов ежегодно по достижении возраста пятидесяти лет⁴²⁵.

Рассуждения Т. Пэйна содержат основные идеи, которые образуют каркас современной теории базового дохода. Выплаты производятся каждому индивидуально, безусловно и в денежной форме. Базовый доход устраняет крайности богатства и бедности, обеспечивает общественное согласие: «...необходимо... создать систему, которая бы, предохраняя одну часть общества от нищеты, оберегала другую от разграбления»⁴²⁶. Базовый доход также поддерживает социальную включенность, экономическую активность граждан с низкими доходами: «И вместо того, чтобы стать бременем для общества, что бывает всегда, когда дети появляются быстрее, чем способность их прокормить, эти люди стали бы на путь к превращению в полезных и выгодных [для общества] граждан»⁴²⁷. Несмотря на отсылку к естественному праву, природному состоянию, размышления Т. Пэйна обнаруживают сугубо инструментальную направленность, подчинены практической задаче борьбы с нищетой: «Существующий порядок цивилизации, столь же гнусный, как и несправедливый, совершенно противоречит тому, каким он должен быть, и нуждается в коренной революции. Контраст роскоши и нищеты, который постоянно попадается нам на глаза и оскорбляет нас, подобен тому, как если бы вместе сковать тела живое и мертвое... Мне все равно, насколько богат тот или другой человек, лишь бы вследствие этого никто не становился несчастным. Но невозможно наслаждаться богатством в той полной мере, какую обладание им способно принести, пока на сцене присутствует так много нищеты»⁴²⁸. Политическая целесообразность оказывается подлинной основой теории базового дохода, юридическое обоснование имеет второстепенное значение. Поэтому конструкция якобы общей собственности на землю, иные ресурсы или имущество отнюдь не является обязательным элементом аргументации: гипотетический базовый доход может финансироваться просто за счет налогов. Наконец, Т. Пэн конкретно указывает на источник нищеты: «...накопление движимой собственности является во многих случаях следствием слишком малой платы за

⁴²⁵ Пэн Т. Указ. соч. С. 384.

⁴²⁶ Там же. С. 393.

⁴²⁷ Там же. С. 390.

⁴²⁸ Там же. С. 389.

труд, который создал эту собственность, вследствие чего рабочего ждет ужасная старость, а предприниматель купается в роскоши»⁴²⁹. Базовый доход призван облегчить судьбу, улучшить положение наемных работников на рынке труда, избавить от страха перед потерей рабочего места, предотвратить унижающее достоинство обращение, способствовать улучшению условий работы и увеличению оплаты физически тяжелого или неквалифицированного труда.

Базовый доход выглядит последней надеждой капитализма, крайним средством спасения капиталистической экономики в существенно неизменном виде. Одновременно теория базового дохода на свой лад выражает непосредственную реакцию отторжения капитализма и трудового самоотчуждения как специфически капиталистического феномена, который убивает спонтанность человеческого желания, превращает человека в деталь системы общественного воспроизводства — по Ж. Делезу и Ф. Гваттари, почти самодостаточной социальной желающей машины. Первоначальное предложение Т. Пэйна сейчас кажется слишком осторожным, недостаточно радикальным: нынешние сторонники базового дохода обычно выступают за периодические выплаты в одинаковом размере, достаточном для избавления от нищеты, каждому члену общества на протяжении всей жизни. Базовый доход увлекает перспективой сравнительно безбедного существования без обязательной трудовой деятельности.

Теория базового дохода оказывается альтернативой социалистическому учению. Однако оба подхода порождены одинаковыми проблемами капиталистического бытия, поэтому вопрос освобождения труда, избавления наемных работников от эксплуатации и злоупотреблений остается центральной темой теории базового дохода. Определенное родство с социалистической мыслью прослеживается до начала XX в. Прежде всего, минимальная поддержка ради обеспечения элементарных жизненных нужд как элемент разумной организации трудовой деятельности членов общества отстаивается французским социалистом-утопистом Ш. Фурье, а также талантливым популяризатором фуриеризма В. Консiderаном⁴³⁰. Идея базового дохода практически в современном виде впервые получает последовательно научное, академическое изложение благодаря малоизвестному бельгийскому социалисту Ж. Шарлье, который опубликовал четыре книги на эту тему во

⁴²⁹ Пэйн Т. Указ. соч. С. 392.

⁴³⁰ Подробнее см.: Cunliffe J., Erreygers G. The Enigmatic Legacy of Charles Fourier: Joseph Charlier and Basic Income // History of Political Economy. 2001. Vol. 33. No. 3. P. 460–468.

второй половине XIX в.⁴³¹ Хотя мыслитель работает в традиции фурьеизма, новизна его трактовки базового дохода состоит в устраниении социалистических приоритетов. Ж. Шарлье прозорливо опасается непомерного расширения государственного контроля в результате законодательного закрепления права на труд и практического осуществления социалистических лозунгов⁴³². Дж.С. Милль выступает за безусловное государственное обеспечение минимальных жизненных потребностей любого неимущего⁴³³, по всей видимости, также под некоторым влиянием Ш. Фурье⁴³⁴. Наконец, вскоре после Первой мировой войны Б. Рассел обсуждает небольшой безусловный доход на приобретение предметов первой необходимости как многообещающее соединение преимуществ социализма и анархизма, подлинное примирение принципов труда и свободы в общественной жизни⁴³⁵.

В дальнейшем теория базового дохода полностью утрачивает социалистические коннотации. Социалистические партии и движения обычно выступают противниками базового дохода⁴³⁶. Теория базового дохода окончательно закрепляется в рамках неолиберальной парадигмы, обнаруживая исключительный потенциал для укрепления и улучшения институциональных основ свободного рынка. Базовый доход, полученный помимо рыночных механизмов, используется на рынке, тем самым поддерживает рыночную систему. «В свободном обществе, — пишет Ф. Хайек, — ничто не мешает правительству обеспечить всем защиту от суровых лишений в форме гарантированного минимума дохода или минимального уровня, ниже которого не следует опускаться... До тех пор, пока такой одинаковый минимальный доход будет предоставляться за пределами рынка каждому, кто по каким-либо причинам не может зарабатывать самостоятельно, это не должно приводить к ограничению свободы...»⁴³⁷ Базовый доход призван отнюдь не избавить от работы, скорее, наоборот, поддержать способность к труду, помочь занятости даже самых безнадежных (можно сказать, бесполезных) членов общес-

⁴³¹ Подробнее см.: Cunliffe J., Erreygers G. The Enigmatic Legacy of Charles Fourier: Joseph Charlier and Basic Income // History of Political Economy. 2001. Vol. 33. No. 3. P. 469–477.

⁴³² Ibid. P. 471.

⁴³³ См.: Милль Дж.С. Основы политической экономии. Т. 3. М.: Прогресс, 1981. С. 371–375.

⁴³⁴ Подробнее см.: Параис Ф. ван, Вандерборхт Я. Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Издательский дом ВШЭ, 2020. С. 128–129.

⁴³⁵ Там же. С. 130–131.

⁴³⁶ Там же. С. 316–317.

⁴³⁷ Хайек Ф.А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 255–256.

ства, иначе потерянных для рынка труда. Указанный ориентир помогает лучше понять современную теорию базового дохода.

В настоящее время перспективным с политической точки зрения считается *отрицательный подоходный налог*, который представляет собой осторожную форму или разновидность базового дохода⁴³⁸. В отличие от базового дохода в обычном понимании, никакой периодической выплаты каждому гражданину здесь не предусматривается. Предлагается другой механизм социальной поддержки, предположительно лучше совместимый с устоявшейся системой государственных финансов. Обобщенно говоря, отрицательный подоходный налог означает уменьшение начисленного подоходного налога на определенную денежную сумму, причем если в результате такого уменьшения величина начисленного подоходного налога становится отрицательной, налогоплательщику выплачивается безвозвратная и безвозмездная субсидия соответствующего размера. Простой пример пояснит идею. Пусть налогоплательщик самостоятельно рассчитывает и уплачивает подоходный налог один раз в год. Допустим, законодательно установленная сумма уменьшения составляет сто двадцать тысяч рублей применительно к годовому периоду. При отсутствии облагаемых подоходным налогом доходов величина начисленного подоходного налога равняется нулю, которая в результате предусмотренного уменьшения становится отрицательной: минус сто двадцать тысяч рублей. По итогу года налогоплательщик получает субсидию в размере сто двадцать тысяч рублей. Итак, отрицательный подоходный налог создает имущественную основу или базу, на которую каждый может безусловно опираться, тем самым менее претенциозным способом обеспечивает такой же практический результат, который ожидается от введения базового дохода в обычном понимании.

Отрицательный подоходный налог специально нацелен на борьбу с бедностью, которую упрощает и дебюрократизирует, ибо отчасти замещает обычные программы социальной поддержки. Кроме того, в отличие от субсидий промышленным предприятиям, льготного кредитования и других подобных мер содействия экономическому росту, отрицательный подоходный налог обеспечивает доход за пределами рынка, тем самым не нарушает механизмов свободного рынка, одновременно способствуя развитию рыночной экономики. Отсюда пропаганда идеи отрицательного подоходного налога некоторыми экономистами неолиберального направления⁴³⁹. Кроме того, неразрывная

⁴³⁸ Подробнее см.: Парайс Ф. ван, Вандерборхт Я. Указ. соч. С. 60–72.

⁴³⁹ Подробнее см.: Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое изд-во, 2006. С. 219–224.

связь отрицательного поддоходного налога с (обычным) подоходным налогом предъявляет рыночный доход как неоспоримую и единственную нормальность или правильность, за пределами которой оказываются получатели субсидии благодаря отрицательному подоходному налогу. Иначе говоря, устраниются альтернативные принципы, будь то нравственного или религиозного характера, которые оправдывают помочь вытесненным на обочину экономической жизни и противостоят механизму рыночной экономики, одновременно высмеиваются всякие подозрения в ненормальности капитализма. Отрицательный подоходный налог подспудно подталкивает получателей субсидии к правильному экономическому поведению, прежде всего, в качестве наемных работников.

Другим способом удержания получателей базового дохода в рамках экономической игры, особенно на рынке труда как наиболее доступном обездоленным членам общества, является весьма скромный размер гипотетического базового дохода, неважно, распределяемого посредством отрицательного подоходного налога или стандартным образом в виде периодической денежной выплаты каждому гражданину. Рассуждения относительно выплаты в четверть ВВП на душу населения, которая практически избавит от бедности как социального зла⁴⁴⁰, повисают в воздухе как беспредметные благие пожелания. Нынешние государственные бюджеты не способны обеспечивать расходы такого уровня, при этом соразмерных дополнительных доходов обнаружить пока не удается. Применительно к Российской Федерации, исходя из численности населения около ста сорока семи миллионов человек, ВВП примерно равном ста четырем триллионам рублей⁴⁴¹ и ВВП на душу населения в размере семьсот семь тысяч рублей, ежемесячный базовый доход в четверть подушевого ВВП приблизительно равняется пятнадцати тысячам рублей. Требуемое финансирование составит двадцать шесть триллионов рублей в год, что на десять триллионов превышает общую сумму фактических расходов федерального бюджета⁴⁴².

Явно недостаточные финансовые возможности заставляют искать варианты экономии. Базовый доход предположительно заменит социальные пособия меньшего размера⁴⁴³; на переходном этапе допускается

⁴⁴⁰ См.: Парайс Ф. ван, Вандерборхт Я. Указ. соч. С. 23–24.

⁴⁴¹ См.: Россия в цифрах. 2019. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2019. С. 74, 190.

⁴⁴² Там же. С. 424.

⁴⁴³ См.: Парайс Ф. ван, Вандерборхт Я. Указ. соч. С. 25.

базовый доход для ограниченных возрастных категорий населения, таких как несовершеннолетние⁴⁴⁴, или частичный базовый доход, который ниже официального порога бедности⁴⁴⁵; базовый доход на ребенка может быть меньше, чем для взрослого⁴⁴⁶. Перечисленные и другие возможные способы экономии едва приближают базовый доход к экономической реальности, которая при определении размера выплаты требует отталкиваться скорее от выделенных или собранных на финансирование базового дохода государственных или общественных фондов, чем от похвального стремления устраниТЬ бедность. На практике в удачных обстоятельствах это означает вероятный базовый доход в пределах трех или четырех процентов ВВП на душу населения. Именно такой уровень в настоящее время обеспечивается единственным устойчиво работающим и масштабным проектом подлинного базового дохода – дивидендом Постоянного фонда Аляски. Указанный фонд накапливает нефтяные доходы штата, инвестирует и распределяет между жителями часть полученной прибыли. В абсолютном выражении почти шестьсот пятьдесят тысяч человек ежегодно получают примерно от одной до двух тысяч долларов США на каждого⁴⁴⁷.

Судя по ожидаемому реальному размеру, базовый доход не столько избавляет от бедности, сколько примиряет людей с низкооплачивающей работой, ибо все равно приходится работать. Рассуждения в том духе, что базовый доход усиливает переговорную позицию наемных работников, позволяя выторговывать у работодателей более высокую заработную плату или без сожаления бросать опостылевшую работу⁴⁴⁸, относятся только к действительно высокому базовому доходу, который практически недостижим. Поэтому на деле базовый доход укрепляет и поддерживает социальную систему наемного труда как форму экономического господства.

Трудовой ориентир базового дохода проявляется еще в одном важном отношении, при этом обнаруживается, что теория базового дохода подводит капиталистическую экономику к пределу, за которым слышится почти социалистическое отрицание капитализма. Базовый доход поощряет добровольное выполнение общеполезных дел, содей-

⁴⁴⁴ См.: Парайл Ф. ван, Вандерборхт Я. Указ. соч. С. 261–267.

⁴⁴⁵ Там же. С. 272–278.

⁴⁴⁶ Там же. С. 20.

⁴⁴⁷ Подробнее см.: Там же. С. 154–157. Точные сведения о величине дивиденда с разбивкой по годам см.: Summary of Dividend Applications & Payments // URL: <https://pfd.alaska.gov/Division-Info/Summary-of-Applications-and-Payments>

⁴⁴⁸ См.: Парайл Ф. ван, Вандерборхт Я. Указ. соч. С. 41–43, 291.

ствие общественному благосостоянию, причем зачастую безвозмездное, под руководством нравственного мотива: «...устойчивый базовый доход может и должен дополняться моральным обязательством вносить вклад в общество (не обязательно в форме оплачиваемой занятости по найму)...»⁴⁴⁹ Уже не кажется невероятным мягкое понуждение получателей базового дохода к некоторому минимума труда или любой деятельности, которая государственная власть считает полезной⁴⁵⁰. Такая безрадостная перспектива хорошо согласуется с предлагаемым правилом относительно назначения базового дохода только действительно проживающим на государственной территории. Если гражданин переселяется в другую страну, выплата базового дохода прекращается⁴⁵¹. Поэтому получатели базового дохода всегда остаются под контролем государства. Вообще эмиграция оказывается в некотором смысле нежелательной, особенно экономически активных граждан, усилиями которых финансируется базовый доход для всех. Даже отъезд чистых получателей может обуславливаться возмещением сделанных инвестиций в «человеческий капитал», под этим подразумевается, не исключено, частичный возврат ранее полученных базовых выплат⁴⁵². Для устойчивости системы базового дохода приходится эксплуатировать патриотическое чувство и культивировать общественное единство: «...[нужна] привязанность к определенному месту, верность или лояльность к определенному политическому сообществу, там проживающему, а также достигнутому в нем уровню солидарности... И в том случае, если солидарность в поведении не будет формироваться спонтанно, ей можно будет мягко способствовать, создавая нужную степень транспарентности, озвучивая имена и клейма позором нарушителей»⁴⁵³. Подобно всем песням о всеобщем счастье и свободе без усилий и трудов, теория базового дохода имеет темные и опасные стороны.

Базовый доход и справедливость

Теория базового дохода по-новому выражает старое стремление к смягчению или даже устраниению имущественного неравенства между людьми, которое впервые получает авторитетное философское обоснование в платоновских политических проектах: «...в государстве...

⁴⁴⁹ Парайс Ф. ван, Вандерборхт Я. Указ. соч. С. 51, сн. 51 (со ссылкой на С. Бирнбаума).

⁴⁵⁰ Там же. С. 349–350.

⁴⁵¹ Там же. С. 19–20.

⁴⁵² Там же. С. 367.

⁴⁵³ Там же. С. 368.

не должно быть ни тяжкой бедности среди некоторых граждан, ни в свою очередь богатства, ибо бедность и богатство взаимно порождают друг друга»⁴⁵⁴. Значительное имущественное расслоение действительно является пороком социального общежития. Однако тоталитарное содержание политической теории философа наглядно предупреждает относительно вероятных катастрофических последствий прямого публичного вмешательства в распределение частных имуществ. Ибо собственность есть проявление субъективной воли, тем самым форма человеческой свободы: посредством собственности, обладания своей вещью человек впервые объективирует, реализует собственную субъективность⁴⁵⁵.

Именно будучи объектизиацией воли, собственность одновременно угрожает отчуждением, которое приводит к тому, что человек теряет себя в объективности, то есть больше не является господином вещей, наоборот, вещи господствуют над человеком. Гипотетический собственник поневоле, которому гарантировано обладание некоторым имуществом или денежным доходом, отчуждается или поглощается этой объективностью, не успевая выразить собственную субъективность. Иными словами, поскольку конкретная собственность (например, сумма денежного базового дохода) не зависит здесь от собственника как субъекта, такой собственник одновременно оказывается несвободным несобственником.

Экономическая эффективность, максимизация выгоды как принцип свободного рынка обращает логику имущественного отчуждения на службу обществу. Эффективность тем больше, чем лучше субъективность подчиняется или встраивается в объективную рыночную систему. Поэтому эффективным собственником становится далеко не каждый. М. Вебер приводит слова немецкого иммигранта, описывавшего распространенное в американской деловой культуре почти спортивное стремление к коммерческому успеху как самоцели: «Разве старик не может уйти на покой, располагая 75 тыс. долл. в год! Нет! Фронт магазина должен быть расширен на 400 футов. Для чего? Этим он затмит всех, по его мнению. По вечерам, когда его жена и дети читают, он помышляет только о сне; по воскресеньям он каждые пять минут смотрит на часы и не может дождаться, чтобы этот день наконец прошел. Вот уж поистине несчастное существование»⁴⁵⁶. Основной

⁴⁵⁴ Платон. Законы // Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль, 1994. С. 196–197 (744d).

⁴⁵⁵ Подробнее см.: Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 103–105.

⁴⁵⁶ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 271.

смысл базового дохода как идеи неолиберального толка заключается в том, чтобы помочь эффективным собственникам становиться эффективными и оставаться таковыми благодаря включению в рыночную систему заведомо неэффективных собственников, которые готовы поэтому удовлетворяться базовым доходом. Базовый доход укрепляет экономическую власть немногих якобы достойных, потому что прочно удерживает всех остальных в границах отчужденной экономической игры с заранее известным исходом⁴⁵⁷. Например, базовый доход выведен банкам, потому что расширяет возможности кредитования граждан, увеличивает количество и качество потенциальных заемщиков. Отныне даже помочь бедным руководствуется принципом экономической эффективности. Базовый доход пока не стал заметным социальным явлением лишь потому, что люди сохраняют надежду на действительно справедливое общественное устройство.

Базовый доход не приводит к справедливости. Вообще справедливость обнаруживает правильность среди неправильности, тем самым расширяет привычные границы правильного. Поэтому справедливость говорит голосом обездоленных, исключенных, непохожих, то есть голосом *другого*, причем зачастую непонятным языком. Отсюда значимость чувства справедливости, ибо другой открывается чувству, а не мышлению⁴⁵⁸. По сравнению с базовым доходом традиционные меры социальной поддержки нуждающихся представляются подходом, более приближенным справедливости, потому что направлены на действительную помощь и спасение другого. Не случайно говорят о социальной справедливости. Напротив, базовый доход переделывает инаковость в одинаковость, стремится вовсе избавиться от другого, сделать каждого нормальным собственником в иллюзорном мире похожести и единства.

Однако социальная справедливость лишь уподобляется справедливости с практической стороны, не являясь таковой по существу. Другой здесь допускается, но отнюдь не ценится. Установление и применение мер социальной поддержки зачастую обнаруживает скрытое недовольство, что другой вообще существует. В конечном итоге защищается не отдельный человек, но общественная система как целое во имя отвлеченных принципов, таких как борьба с бедностью, охрана здоровья или всеобщее образование. Социальная справедливость конкурирует с рыночным принципом экономической эффективности, однако напо-

⁴⁵⁷ Также см.: Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. С. 256–263.

⁴⁵⁸ Также см.: Левинас Э. Тотальность и бесконечное // Избранное. Тотальность и бесконечное. М.–СПб.: Университетская книга, 2000. С. 105.

добие последнего вдохновляется скорее безжизненной абстракцией добра, чем конкретностью человеческого существования. Господствует абстрактное *надо*. Поэтому социальная поддержка помогает смягчить или примириться, однако никогда не позволяет устраниТЬ отчуждение.

Подлинная победа над имущественным отчуждением, преодоление отождествления человека с вещественной сферой происходит благодаря подчинению имущественного обмена между собственниками юридическому принципу, впервые закрепившемуся в социальной жизни благодаря римскому частному праву. Доправовой, архаический обмен, включая обмен вещи на наличные деньги, производится в порядке исполнения нравственного долга, поэтому кредитор потенциально обладает властью над личностью должника⁴⁵⁹. Неисправный должник представляется безнравственным, почти бесчеловечным. Наглядной практической иллюстрацией такого подхода служит долговое рабство. Римское частное право преобразует имущественный обмен из отношения личного подчинения в свободное сотрудничество посредством юридического рассмотрения продажи как осуществления стороной права и исполнения другой стороной соответствующей обязанности. Возникает конструкция обязательства как идеальной связи между участниками обмена, в силу которой кредитор имеет право требовать оговоренного исполнения, а должник несет обязанность исполнить. Непосредственное отношение к вещи отходит на второй план, кредитор ждет от должника не вещи как таковой, но действий по предоставлению вещи или иного исполнения. Приглашение к действию равнозначно признанию должника по обязательству субъектом, то есть свободным: «Раб не может иметь обязанностей, их имеет только свободный человек»⁴⁶⁰. Свобода должника соответствует свободе кредитора. Архаический, доправовой обмен допускал принуждение кредитора к получению причитающегося, то есть кредитор одновременно выступал должником, тогда как в рамках договорного обязательства осуществление права остается сугубо личным делом кредитора.

Нравственный долг есть синкретичное единство права и обязанности, напротив, правопорядок строго разделяет право и обязанность между противоположными сторонами отношения. Право кредитора по обязательству не является одновременно обязанностью, но отражается в обязанности должника. Тем самым право, будучи особым социальным регулятором, формализует и защищает инаковость участника

⁴⁵⁹ Подробнее см.: Дождев Д.В. Римское частное право. М.: Норма, 1996. С. 429–430.

⁴⁶⁰ Гегель Г. Философия права. С. 207.

общественного отношения. Инаковость требует справедливости, поэтому обязанность стороны уравновешивается (субъективным) правом этой же стороны, но в другом отношении. Например, договор купли-продажи закладывает два основных обязательства: во-первых, продавец обязан передать товар и вправе требовать уплаты цены, во-вторых, покупатель обязан уплатить и вправе требовать товар. Договорное отношение в целом разворачивается как исполнение стороной обязанностей, которое обусловлено надлежащим исполнением другой стороной встречных обязанностей. Тем самым архаичный формализм сменяется сознательным регулированием, направленным на защиту субъектности, инаковости каждого участника. Благодаря правовой форме справедливость раскрывается как действительная или позитивная свобода, которая есть равновесие прав и обязанностей человека. Такая свобода оказывается также равенством, причем равенством людей именно в свободе. Гражданско-правовое обязательство выступает исходной моделью правопорядка вообще, то есть свободы как социального института. В Новое время юридическая модель распространяется на государственное общество благодаря учению о правах и свободах человека и гражданина. Возникает правовое государство и публичное право, которое становится исторически второй, после частного права, системообразующей частью права в собственном смысле как особого регулятора общественных отношений.

Итак, римское частное право показывает единственный практический применимый способ преодоления имущественного отчуждения, причем без упразднения собственности как таковой, чтобы возвратить человеку отчужденную, объективированную, погруженную в вещь субъективность, тем самым сделать человека поистине свободным внутри несвободного, объективного мира. Нужно устойчивым образом выстроить отношения людей по поводу принадлежности вещей на основе взаимного признания инаковости, что достигается сугубо юридическим средством, а именно постоянным поиском и поддержанием равновесия прав и обязанностей каждого. Свобода собственника обретается путем отказа от собственности в ходе частноправового договорного обмена, который провозглашает ценностью отнюдь не обладание как таковое, но *право* обладания. Благодаря осознанию (субъективного) права человек возвышается над фактичностью своей и вещей, впервые постигает мир как собственную возможность. Ж.П. Сартр разъясняет: «Возможность есть тогда, когда вместо того, чтобы просто быть тем, чем я являюсь, я выступаю в качестве права быть тем, чем я являюсь. Но само это право отделяет меня от того, чем я имею право быть. Право

собственности появляется только тогда, когда у меня оспаривают мою собственность, когда фактически она с какой-то стороны уже не является больше моей; спокойное пользование тем, чем я владею, есть простой факт, а не право»⁴⁶¹. В этом смысле право есть область возможного, в которой человек зависит только от себя.

Базовый доход, будучи безусловно гарантированным, всегда наличествует как факт и никогда не переходит в возможность, поэтому не является правовым явлением даже в узком прикладном смысле социальной справедливости, обычных мер социальной поддержки нуждающихся. Нравственное регулирование обладает правовым измерением только до тех пор, пока на практике сохраняется конкуренция нравственных принципов, разных видений добра. Подобное социальное право нужно отличать от права в собственном смысле, будь то частное или публичное право, ибо социальное право не защищает инаковость человека как таковую, будучи лишь практическим предчувствием подлинного права. Благодаря же базовому доходу капитализм окончательно подчиняет нравственность, остается единственное, тоталитарное нравственное должное — экономическая эффективность.

В отличие от права, нравственность возвышает к абстракции добра, но одновременно подавляет единичность, конкретность человека⁴⁶². Общественная отчужденность человека, подчинение бездушной логике социальных систем есть обратная сторона нравственности, необходимость которой вовсе не подразумевает свободы. Сохранение, даже углубление имущественной отчужденности внутри капиталистической системы вопреки частноправовому принципу означает, что накопление и перераспределение имуществ большей частью происходят помимо свободного договорного обмена на основе равновесия прав и обязанностей каждого или лишь маскируются под такой обмен. Монополии служат хорошей иллюстрацией. Марксизм усматривает путь к свободе и справедливости в последовательном преодолении отчуждения в сфере общественного труда.

Несостоятельность марксизма

Марксистская критика капитализма направлена против эксплуатации рабочих, под которой здесь понимается не просто экономическая система господства работодателя над наемным работником, но объек-

⁴⁶¹ Сартр Ж.П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. С. 131.

⁴⁶² Подробнее о различии права и нравственности см.: Слыщенков В.А. Право и нравственность: различия понятий. М.: Юрлитинформ, 2020.

тивный экономический процесс изъятия у работника некоторого количества труда сверх оплаченного⁴⁶³. Эксплуатация является следствием трудового отчуждения, то есть поглощения процессом труда, внутри которого работник не принадлежит себе: «Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя... В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный; это — принудительный труд. Это не удовлетворение потребности в труде, а только средство для удовлетворения всяких других потребностей, но не потребности в труде. Отчужденность труда ясно сказывается в том, что, как только прекращается физическое или иное принуждение к труду, от труда бегут, как от чумы. Внешний труд, труд, в процессе которого человек себя отчуждает, есть принесение себя в жертву, самоистязание. И, наконец, внешний характер труда проявляется для рабочего в том, что этот труд принадлежит не ему, а другому, и сам он в процессе труда принадлежит не себе, а другому»⁴⁶⁴.

Марксизм обнаруживает истину частной собственности в особом феномене *капитала*, то есть денежных средств или иных имеющих денежную оценку имущественных ценностей, специально инвестируемых в производственную или прочую экономическую деятельность для получения прибыли: «Стоимость становится, таким образом, самодвижущейся стоимостью, самодвижущимися деньгами, и как таковая она — капитал. Она выходит из сферы обращения, снова вступает в нее, сохраняет и умножает себя в ней, возвращается назад в увеличенном виде и снова и снова начинает один и тот же кругооборот»⁴⁶⁵. Существование капитала требует постоянного труда, иначе говоря, капитал питается трудом. Поэтому основной формой отчуждения в капиталистической экономике оказывается отнюдь не имущественное отчуждение, архаичное подчинение человека вещам, через полученную вещь — другому человеку, ярко изображенное М. Моском⁴⁶⁶, которое было однажды преодолено римским частным правом. Специфически капиталистическим представляется трудовое отчуждение, то есть пода-

⁴⁶³ См.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. I. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Политиздат, 1960. С. 205, 227–229.

⁴⁶⁴ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 90–91.

⁴⁶⁵ Маркс К. Капитал. С. 166 (сноска внутри цитаты опущена).

⁴⁶⁶ См.: Мос М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мос М. Общество. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996. С. 83–222.

вление общественно полезным трудом, воплощением которого становится работа по найму. Особенность капитализма усматривается в том, что именно труд отчуждает человека.

Марксистское видение эксплуатации как экономического явления в главных чертах сводится к тому, что заработка плата, предположительно достаточная для поддержания трудовой деятельности работника в течение полного рабочего дня, неизбежно меньше стоимости продуктов труда, которые работник создает для работодателя в течение данного рабочего дня⁴⁶⁷. В основе подхода лежит характерное для марксистского экономического учения объективное определение стоимости любого товара через количество затраченного на изготовление данного товара человеческого труда⁴⁶⁸. Поэтому продаваемая наемным работником способность к труду (рабочая сила), будучи товаром, также имеет объективную, истинную стоимость — это стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания нормальной жизнедеятельности и квалификации, вообще способности работника к труду⁴⁶⁹. Сказанное означает примерно следующее. Стоимость всех товаров, включая услуги и пр., потребление которых работником обеспечивает способность к труду, оплачивается заработной платой, за которую работник своим трудом создает для капиталиста другие товары. Стоимость этих товаров (определенная через количество затраченного труда, прошле говоря, рабочее время) должна равняться стоимости товаров, необходимых для поддержания способности работника к труду, если превышает — тогда нужно выплачивать повышенную заработную плату. В практике капитализма происходит наоборот. Стоимость создаваемых работником товаров исчерпывает заработную плату уже по истечении части рабочего дня. Оставшееся же рабочее время работник трудится на капиталиста бесплатно, тем самым обеспечивает прибавочную стоимость, которая является подлинным источником прибыли⁴⁷⁰.

Марксистский объективный подход к определению стоимости отрицает экономическую значимость соглашений между участниками обмена. Иначе говоря, стоимость рабочей силы известна, даже научно обоснована помимо всякого соглашения между работодателем и работником. По смыслу марксистской политической экономии, отдельный работник не принимает подлинного решения, какова стоимость

⁴⁶⁷ См.: Маркс К. Капитал. С. 197–209.

⁴⁶⁸ Там же. С. 52–54.

⁴⁶⁹ Там же. С. 181–183.

⁴⁷⁰ Там же. С. 183, 198–206.

его рабочей силы, какая заработка плата требуется для поддержания именно его способности к труду. Конечно, работник может выторговывать заработную плату любого размера, однако согласованная заработная плата оказывается лишь отклонением от объективной, истинной стоимости рабочей силы. Подобным образом цена товара соответствует величине стоимости (количеству труда, затраченного на изготовление товара) лишь в среднем, но отнюдь не в каждом конкретном случае⁴⁷¹. Поэтому поставленный на научную основу общественный труд и товарообмен при искомом социалистическом устройстве, строго говоря, никаких соглашений между частными лицами не предполагает.

Обесценивание соглашения равнозначно устраниению субъекта экономических процессов. Марксистская трактовка денег является хорошей иллюстрацией. Деньги рассматриваются как всеобщий эквивалент стоимости товаров, который опосредует товарное обращение⁴⁷². Феномен денежного опосредования остается здесь непродуманным в важном отношении. Ибо философски осмысленное опосредование есть отрицательность, негативность субъективности как этап диалектического развития социальных процессов⁴⁷³. Только благодаря человеку, субъекту отрицание как таковое, ничто вторгается в бытие⁴⁷⁴. Марксистская политическая экономия едва обращает на это обстоятельство внимание, поэтому меновая стоимость (то есть сравнительная ценность, будь то выраженная в деньгах или других товарах) оказывается якобы внутренне присущей товару как воплощению человеческого труда⁴⁷⁵. Верно обратное: труд непосредственно не создает никакой меновой стоимости товара. Меновая стоимость выступает отрицанием потребительской стоимости, которая – как любое отрицание – осуществляется только благодаря субъекту, в данном случае, участнику обмена. Тем самым соглашение относительно обмена становится существенным моментом образования стоимости товара. Иначе говоря, количество затраченного труда хотя влияет на стоимость товара, однако меновая стоимость выражает не затраты труда как такового, но субъективное решение о стоимости. Объективированный в товаре труд (абстрактный труд) не способен уравнивать обмениваемые товары или товар и цену, тем самым продавца и покупателя. Напротив, именно люди, участники

⁴⁷¹ См.: Маркс К. Капитал. С. 112.

⁴⁷² Там же. С. 164.

⁴⁷³ См.: Гегель Г. Феноменология духа // Сочинения. Т. IV. М.: Соцэкиз, 1959. С. 10–11.

⁴⁷⁴ См.: Сартр Ж.П. Указ. соч. С. 59–81.

⁴⁷⁵ См.: Маркс К. Капитал. С. 56.

обмена сравнивают и уравнивают стоимости своих товаров. Никто не может указывать, какое соотношение стоимостей является правильным в отдельной сделке — такое соотношение устанавливается путем соглашения, а не научного обоснования.

Марксистская экономическая теория не придает должного значения этому обстоятельству, поэтому создается ложное впечатление, будто при социализме труд способен определять величины товарных стоимостей непосредственно, то есть без человеческого участия. К. Маркс пишет: «Каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай. Например, общественный рабочий день представляет собой сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время каждого отдельного производителя — это доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда... и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме. Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей... известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой»⁴⁷⁶. Вопреки приведенному рассуждению, «индивидуальный трудовой пай» не способен сравнить себя с трудовым паем другого производителя: «Труд же сам по себе — это некая фактичность, фактический процесс, фактическое отношение, и он не может сам себя измерять и регулировать, не может быть собственной формой, принципом и нормой»⁴⁷⁷. Уравнивание воплощающих труд стоимостей товаров далеко от очевидности, ведь соотношение разного конкретного труда, затраченного двумя производителями, отнюдь не пропорционально соотношению отработанного ими времени, поскольку для такой пропорции нужно сначала свести сложный труд производителей к труду простому⁴⁷⁸.

Другая сложность уравнивания трудовых вкладов работников связана с феноменом разделения труда внутри одного производства.

⁴⁷⁶ Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Политиздат, 1961. С. 18–19.

⁴⁷⁷ Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Норма, 2011. С. 194.

⁴⁷⁸ См.: Маркс К. Капитал. С. 53.

Вопреки изначальной марксистской посылке⁴⁷⁹, разделение труда предполагает, что отдельный или частичный работник самостоятельно никакого товара не производит, иначе говоря, своим обособленным трудом не создает никакой стоимости⁴⁸⁰. Поэтому (меновая) стоимость рабочей силы любого работника, который вынужденно объединяется с другими ради производства одного товара, по смыслу марксистских политico-экономических утверждений, никак не соотносится со стоимостью продуктов труда, а значит, размеры трудовых вкладов допускают вполне произвольное определение. Иными словами, величину прибавочной стоимости можно выяснить применительно к предприятию в целом, но не к трудовой деятельности отдельного работника.

Ввиду указанных соображений решающее значение приобретает обстоятельство, кто и как сравнивает действительные трудовые вклады. В практике реального (советского) социализма труд рабочих и служащих уравнивался властью имущими в принудительном порядке и не без выгоды (привилегий) для себя. Вместо подлинной свободы марксистская социалистическая утопия прокладывает дорогу к невиданному прежде трудовому рабству.

Денежная форма стоимости воплощает отрицание товара как потребительной стоимости, поэтому благодаря деньгам человек господствует над непосредственностью вещей. Иначе говоря, деньги освобождают от власти вещей, выступают знаками чистого престижа как социального смысла добровольного имущественного обмена. Ведь исходной, архаической моделью обмена являются встречные дары, то есть вручение дара и ответное дарение, в обоих случаях ради престижа дарителя⁴⁸¹. Простой экономический обмен ради потребления, движимый не мотивом престижа, не породил бы деньги. При этом деньги являются (особой) вещью, следовательно, как таковые не избавляют от имущественного отчуждения. Свобода и справедливость – работа отнюдь не денег, но разумной воли. Господство человека над самими деньгами как вещью, имуществом или богатством достигается благодаря созданному римским частным правом договорному обязательству, то есть правоотношением по поводу имущественного обмена, которое нацелено на сохранение свободы и равенства сторон как субъектов посредством поддержания равновесия прав и обязанностей. Договор как юридическую конструкцию нужно отличать от простого соглашения, которое

⁴⁷⁹ См.: Маркс К. Капитал. С. 198.

⁴⁸⁰ Там же. С. 367–368.

⁴⁸¹ Подробнее см.: Месс М. Указ. соч. С. 146–155, 163–169, 201–208.

относится к нравственной области, закрепляет фактичность единожды высказанного согласия, однако совсем не заботится о добровольности в ходе последующего развития отношения. Например, самопродажа в рабство является соглашением как таковым, но никак не договором. Подлинный источник эксплуатации наемного работника усматривается в том, что наемный труд опирается скорее на соглашение, а не договор как правовой институт. Простое, внедоговорное соглашение нисколько не препятствует зависимости и подчинению, прежде всего получателя денег, ибо не разворачивается в равновесие прав и обязанностей каждого участника. Иначе говоря, частное право, особенно частноправовое договорное обязательство показывает, что человек способен утверждать и удерживать собственное Я напротив вещей и даже денег как главной вещи, тем самым вполне устранив имущественное отчуждение, власть вещей над собой. Однако частноправовые средства не помогают преодолеть власть денег как капитала, в основе которой лежит другая форма отчуждения — трудовое отчуждение. Здесь требуется несколько иной подход, на свой лад задействующий юридический механизм равновесия прав и обязанностей человека.

Разделение труда предполагает, что наемный работник не столько продает свой труд или рабочую силу как таковую, сколько занимает определенную позицию внутри производства, потому что труд каждого должен быть встроен в единую систему капиталистического предприятия. Обособленный труд частичного рабочего (определенные действия на заводском конвейере и пр.) не нужен, ибо сам собой не создает никакого товара⁴⁸². Поэтому существенным содержанием феномена наемного труда при капитализме выступает не оплачиваемый труд, но занимаемое рабочее место, выполняемая социальная роль. Тем самым наемный труд оказывается отношением скорее нравственным, чем сугубо правовым, для которого характерно погружение человека в усвоенную социальную роль, а не субъективная самореализация в сознании своей инаковости посредством осуществления прав и исполнения соразмерных обязанностей. Иначе говоря, наемный труд становится для обеих сторон преимущественно выполнением (нравственного) долга, который — как любой долг, то есть мотив абстрактного добра — отчуждает от конкретности существования, заставляет забывать о себе. Будучи выполнением долга, наемный труд выступает обязанностью работника, прежде всего, перед самим собой, ибо такова вообще природа долга⁴⁸³. Сказанное можно

⁴⁸² См.: Маркс К. Капитал. С. 367–368.

⁴⁸³ Ср.: Кант И. Критика практического разума // Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 413–415.

выразить другими словами: трудовая деятельность наемного работника является не просто обязанностью, но также его правом. Поэтому трудовые усилия работника в конечном итоге имеют опору только внутри него самого. Выплачиваемая же работодателем или капиталистом заработная плата трудовой вклад лишь поощряет, но никак не уравновешивает. Получение заработной платы оказывается долгом работника, который настолько же управомочен, насколько обязан принимать заработную плату.

Поэтому наемный труд при капитализме моделирует два встречных дарения: работник дарит работодателю труд и получает заработную плату как ответный дар. Такое трудовое отношение разворачивается подобно архаической, нравственной или доправовой продаже, которая оформляет отчуждение, обмен вещи на деньги, при этом никак не обеспечивает равенство продавца и покупателя. Применительно к имущественному обмену между собственниками только созданный римским частным правом договор купли-продажи, вообще механизм договорного обязательства защищает равенство сторон. Ведь в отличие от простого соглашения (частноправовой) договор нацелен не на обмен как таковой, но на справедливый обмен. Справедливость достигается посредством юридической конструкции (субъективного) права, которая помещает имущественный обмен как объективный экономический процесс в правовое пространство человеческой самореализации. Все моменты договорного взаимоотношения наполняются волевым содержанием, поэтому подчиняются принципу добросовестности, то есть субъективной устремленности к справедливости, ибо справедливость означает деятельное признание каждым участником самого себя и другого именно субъектом, свободной волей. Отсюда множество юридических правил, по умолчанию обеспечивающих справедливость в различных деталях взаимоотношения, будь то соответствие волеизъявления действительному намерению, порядок заключения и форма сделки, срок и место исполнения, обычное качество товара, ответственность за нарушения и пр. Однако частноправовой договорной механизм не подходит для урегулирования отношений наемного труда сообразно требованиям справедливости, потому что работник и работодатель не выступают как обычные частные собственники, осуществляющие имущественный обмен. Здесь напрашивается другая юридическая форма справедливого порядка.

Отчужденный труд при капитализме является принудительным трудом, однако присутствие денег, как всегда, превращает внешнее принуждение в принуждение внутреннее, насильственное отчужде-

ние – в самоотчуждение. Стремление к деньгам предполагает самостоятельную, раскрепощенную волю, впрочем, одновременно объективированную в деньгах. Иначе говоря, зарабатывая деньги, человек рискует потерять себя, ибо воля не выражается без остатка ни в деньгах, ни в любой другой объективности. Тем не менее основанные на денежном хозяйствовании общества признают и поощряют единичную волю, самостоятельную деятельность. Отсюда исторически обусловленная особенность отчуждения человека в европейских социальных системах, которое выступает как деятельное самоотчуждение: воля здесь объективируется, чтобы человек якобы нашел себя в созданной им объективности. Напротив, социальные системы традиционных восточных обществ функционируют не как объективаия человека, но как объективность над человеком. Пренебрежение к деньгам как этическая позиция выстраивала нравственность восточных культур на подавление единичной воли. Поэтому отчуждение на традиционном Востоке означает не столько утрату человеком своей самостоятельной воли, сколько формирование несамостоятельной, безвольной воли, «которая полностью погружена в свой объект», наподобие детской или рабской воли, вообще воли, «которая действует, руководствуясь чужим авторитетом»⁴⁸⁴.

Поскольку марксистская политическая экономия не улавливает подлинной значимости денег как субъективного основания экономических отношений, в условиях реального социализма деньги ожидаемо деградируют до справок или квитанций, формально подтверждающих трудовой вклад в общественное производство. Капиталистическое самоотчуждение наемных работников превращается в социалистическое насилиственное отчуждение на традиционный восточный манер. Отныне общественно полезный труд выступает как непосредственно принудительный, по существу, неоплачиваемый труд. Историческое предназначение социализма состояло именно в том, чтобы наглядно показать, объективировать капиталистическое отчуждение. Социализм оказывается олицетворением сущности капитализма. Поэтому любой поиск путей и перспектив преодоления несправедливости капитализма должен учитывать неудавшийся социалистический опыт.

Неизбежность падения социализма обусловлена тем, что только посредством отрицания социализма открывается перспектива полного и окончательного отрицания, преодоления капитализма. Поражение социализма как конечной точки капиталистического развития необходимо

⁴⁸⁴ О такой форме отчужденной, объективной воли см.: Гегель Г. Философия права. С. 88.

димо означает завершение капитализма. Подобным образом военная победа социалистического государства над фашистской диктатурой предрешает приговор истории над социализмом, потому что фашизм является наглядной демонстрацией, объективацией голого насилия как скрытой сущности реального социализма, который превратно полагается самодостаточным социалистическим общественным устройством, обладающим якобы независимой от капитализма субстанциальной природой. Ибо сила как таковая никогда не является сущностью, но лишь обнаружением вовне некоторой сущности или природы⁴⁸⁵. Торжество над фашизмом опровергает сущностное значение насилия для общественной жизни и посредством этого выявляет внутреннюю пустоту, ничтожность или недействительность социализма, который продолжает существовать некоторое время только по инерции.

Итак, в постсоциалистическом мире капитализм как развивающийся, устремленный в будущее социальный строй уже невозможен. Водворение капитализма на место покинувшего историческую арену социализма выглядит лишь временным и переходным явлением.

Универсальный трудовой доход

Будучи неотъемлемой частью капиталистического производства, наемный труд органично дополняет и срастается с обычным физическим (имущественным) капиталом, то есть используемым для производства продукции имуществом (оборудованием, недвижимостью и пр.), тем самым как таковой становится капиталом: «...функционирующее рабочее тело есть форма существования капитала»⁴⁸⁶. Труд преобразуется в капитал: «...рабочий имеет несчастье быть живым и потому испытывающим нужду капиталом...»⁴⁸⁷ Марксистская политическая экономия не вполне развивает эту интуицию, поскольку остается сосредоточенной на противоположности труда и (физического) капитала по признаку частной собственности, то есть как отсутствие собственности и собственность⁴⁸⁸. Однако искомая победа труда над капиталом приводит к тому, что освобожденный от власти капиталиста труд делом доказывает свою значимость капитала — капитала без капиталиста. Иначе говоря, социалистическая экономика «становится гигантской машиной при-

⁴⁸⁵ См.: Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. С. 304—305.

⁴⁸⁶ Маркс К. Капитал. С. 372.

⁴⁸⁷ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 100.

⁴⁸⁸ Там же. 113.

нудительного образования капитала»⁴⁸⁹. Устранение частной собственности на составляющее капитал имущество не преодолевает противоречие между трудом и капиталом.

Работник отнюдь не продает свой труд (рабочую силу), потому что нельзя продавать под именем товара, что не отделяется от личности продавца. В конечном итоге только от ежедневных усилий работника зависят доступность, качество или эффективность труда. Поэтому капиталист не становится владельцем наемного труда. Равным образом работник не продает продукты труда (результаты услуг, работ), ибо оплачивается выполнение рабочим трудовой функции, а не создание определенных продуктов. Наемный труд при капитализме скорее напоминает личное услужение, отношения господина и слуги, впрочем, ограниченное кругом трудовых обязанностей и рабочим временем, чем покупку и продажу труда или рабочей силы как мнимого товара. Труд работника выступает моментом образования или роста капитала, поэтому как таковой становится капиталом, при этом принадлежит якобы капиталисту как «переменный капитал»⁴⁹⁰, а не рабочему как его личный человеческий (трудовой) капитал.

Источник несправедливости капитализма усматривается в том, что труд работника, на деле являющийся ежедневно осуществляющей инвестицией человеческого капитала, вознаграждается как (физический) капитал, приобретаемый и вкладываемый капиталистом, а не работником. Посредством заработной платы труд как будто покупается капиталистом, тем самым маскируется под физический капитал, но тогда возникает противоречие, вокруг которого строится марксистская экономическая теория. Ибо физический капитал оказывается одновременно капиталом и своим отрицанием, потому что труд означает отсутствие капитала. Социализм материализует это отрицание, полностью вытесняет капитал трудом. Здесь начинается обратный процесс образования капитала, поскольку труд неизбежно создает, накапливает капитал, то есть необходимые средства труда или производства. При социализме труд подчиняется капиталу как своему порождению. Когда на определенном этапе накопления капитала неэффективная социалистическая, административно-командная экономика терпит крах, капитал опять противостоит труду как его отрицание. Однако накопленный социалистическим обществом капитал является не совсем обычным

⁴⁸⁹ Рёпке В. Коренные вопросы хозяйственного порядка // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм. М.: Экономика, 2002. С. 145.

⁴⁹⁰ Маркс К. Капитал. С. 220.

капиталом — это буквально сотворенный трудом капитал без всякой примеси принадлежащего капиталисту физического капитала, то есть накопленный человеческий капитал в чистом виде. Иначе говоря, нет никого, кто может считаться покупателем труда, создававшего это богатство.

Ярким образцом философско-правового осмысления возникшего своеобразного положения служит теория гражданской собственности В.С. Нерсесянца⁴⁹¹. Каждый гражданин получает равную идеальную долю бывшего социалистического общенародного имущества, которая является неотчуждаемой и приносит гражданину доход от возможного хозяйственного использования подобно любой собственности. Количества долей регулярно приводится в соответствие с числом граждан, чтобы никто не оставался без гражданской собственности. Доход зависит от эффективности управления таким имущественным фондом в рыночных условиях, распределяется между всеми гражданами (собственниками) поровну на индивидуальной основе, выплачивается с определенной периодичностью, сверх того допускается частная собственность и иной правомерный доход в неограниченном размере.

Конструкция гражданской собственности видится разновидностью теории базового дохода, которая в отличие от более умозрительных теорий на основе западного исторического опыта имеет убедительное фактическое обоснование. Накопленный в ходе социалистического строительства капитал изначально ничейный, поэтому при переходе к свободному рынку закономерно образует общий имущественный фонд, который принадлежит отнюдь не государству, но всем гражданам как собственникам в равных долях, причем без возможности последующего отчуждения доли, потому что в постсоциалистической действительности гражданская собственность выступает условием или основой справедливых рыночных отношений.

Несмотря на лучшее обоснование, слабым местом конструкции гражданской собственности, как любой теории базового дохода, остается весьма небольшая сумма индивидуального базового дохода. Например, текущая стоимость основного капитала в Российской Федерации примерно составляет триста пятьдесят триллионов рублей⁴⁹². Если основной капитал является гражданской собственностью, то есть общей долевой собственностью всех граждан, преимущественным способом хозяйственного использования представляется передача в аренду заинтересо-

⁴⁹¹ Подробнее см.: Нерсесянц В.С. Указ. соч. С. 400—435.

⁴⁹² См.: Россия в цифрах. 2019. С. 230.

сованным экономическим субъектам⁴⁹³. Если удастся найти постоянных арендаторов на все объекты в составе основного капитала по ставке арендной платы, равной пять процентов в год от стоимости, ежегодный доход от гражданской собственности составит семнадцать с половиной триллионов рублей. Указанную сумму потребуется уменьшить примерно наполовину для уплаты налогов, финансирования текущих расходов и амортизационных отчислений. Пусть остаток составляет девять триллионов рублей. Исходя из количества граждан, равного ста сорока семи миллионам, каждый гражданин получает примерно шестьдесят тысяч рублей в год или пять тысяч рублей в месяц.

Какой бы ни была сумма базового дохода, представляется сомнительным сведение опыта реального социализма к банальности общей собственности. Начиная с Т. Пэйна многие приверженцы базового дохода обосновывают притязание на базовый доход общей собственностью всех людей, будь то земля, воздух и пр. Несмотря на кажущуюся убедительность, подобные пожелания остаются беспредметными. Ибо собственность всегда является частной, отдельной или обособленной, потому что выступает проявлением или объективацией частной, субъективной воли, человеческого Я в мире вещей, закрепляет господство человека над собственной частью объективной действительности. В указанном смысле общая собственность некоторых также является частной. Напротив, общая собственность всех граждан никаким образом не выражает Я, только исходное единство Мы, поэтому скорее препятствует, чем способствует деятельности осуществлению свободы.

Важный практический урок капитализма, особенно социализма, заключается в том, что отнюдь не собственность, но труд обеспечивает человеку существование. Противоречие капитализма коренится не в самой частной собственности на физический капитал или средства производства, но в приобретении именно труда в собственность наподобие товара. При социализме труд перестает быть товаром просто потому, что исчезают капиталисты как покупатели, но тем самым еще не становится свободным, то есть не составляет сферу свободы человека, сторону самореализации. Ибо труд нужно обособить или отделить от трудящегося, чтобы труд выражал человеческое Я без слияния с ним, то есть не поглощал или отчуждал человека. Свобода здесь состоит в том, чтобы трудиться, но при этом возвращаться к себе, своему Я из объективной трудовой деятельности. Иначе говоря, нельзя забывать, что труд есть для человека нечто другое: «В определенности человек не должен

⁴⁹³ См.: Нерсесянц В.С. Указ. соч. С. 421.

чувствовать себя определяемым; рассматривая другое как другое, он лишь тогда обретает ощущение себя... свобода состоит в том, чтобы хотеть определенное, но в этой определенности быть у себя и вновь возвращаться во всеобщее»⁴⁹⁴. Ни при капитализме, ни при социализме свобода наемного труда остается недостижимой, потому что в обеих ситуациях труд работника оказывается так или иначе принудительным. Труд отделяется от трудящегося, становится для него другой, чуждой определенностью именно как противоположность труда — капитал. Причем мучительный опыт социализма подсказывает, что этот капитал, в который труд необходимо превращается, не есть посторонний, вложенный капиталистом в производство физический капитал, но созданный только трудом и по праву, согласно закону свободы, принадлежащий работнику капитал — человеческий или трудовой капитал. Только здесь трудящийся поистине возвращается из трудовой деятельности к самому себе. Крушение социализма и завладение немногими людьми всем оставленным социализмом богатством предельно наглядно иллюстрирует ежедневно происходящее при капитализме присвоение капиталистами человеческого капитала наемных работников.

Рассмотрение наемного труда как разновидности капитала приводит к выводу, что в рамках нацеленной на прибыль хозяйственной деятельности труд работников или человеческий капитал выступает инвестицией наравне с вложенным работодателем имуществом, то есть физическим капиталом. Поэтому справедливая оплата наемного труда заключается отнюдь не в большей заработной плате, но в выплате работникам части прибыли вместо заработной платы. Причем прибыль на человеческий капитал надлежащим образом отделяется от прибыли на физический капитал лишь при условии, что предназначенная работникам часть прибыли предварительно отчисляется каждым предприятием в специальный общегосударственный фонд, откуда распределяется между всеми работающими гражданами на индивидуальной и равной основе. Напротив, при выплате работнику части прибыли непосредственно работодателем получаемая работником денежная сумма зависит от финансовых результатов отдельного предприятия как функционирующего единства физического и человеческого капиталов. Подобный подход приближает к справедливой оплате наемного труда не лучше, чем традиционная заработка.

Обсуждаемый трудовой доход не является безусловным, потому что выплачивается только работающим, поэтому не уподобляется базо-

⁴⁹⁴ Гегель Г. Философия права. С. 74–75.

вому доходу. Равным образом этот доход принципиально отличается от привычной заработной платы, потому что устанавливается не индивидуальным трудовым соглашением, но зависит от общей суммы сделанных предприятиями отчислений, соответствующих принесенной человеческим капиталом части прибыли, и совокупного количества наемных работников на всех предприятиях. Сумма денежных средств, собранных таким *общегосударственным фондом трудового капитала*, делится на число работающих граждан, каждый из которых с определенной периодичностью получает доход строго одинакового размера при занятости полный рабочий день. Равенство выплаты, размер которой не зависит от характера выполняемой работы, квалификации, опыта, прочих особенностей работника, объясняется тем, что каждый на своем рабочем месте одинаково необходим предприятию, поэтому в течение полного рабочего дня делает, по сути, такой же вклад человеческого капитала, как любой другой. Прочие существенные положения предполагаемого *универсального трудового дохода* в основных чертах видятся следующими.

Размер отчисляемой предприятием прибыли на человеческий капитал зависит не от количества работников или иных особенностей конкретного предприятия, но предусматривается законом как определенный процент от получаемой любым предприятием выручки за вычетом налога на добавленную стоимость. Устанавливается минимальный размер выручки от коммерческой деятельности как пороговое значение, после достижения которого выручка разделяется указанным образом для отчисления прибыли на человеческий капитал. Такое пороговое значение никак не меньше или даже немного больше суммы выручки, которая обычно соответствует экономике домохозяйства (предпринимательские смешанные доходы), а не предприятия. Для предприятий исключаются любые поблажки, привилегии или изъятия из отчислений, которые в конечном итоге приводят лишь к присвоению человеческого капитала собственником физического капитала, будь то для расширения или модернизации производства, возможной оплаты или поощрения труда работников сверх универсального трудового дохода или для иных хозяйственных или даже общеполезных целей. Полнотью или частично принадлежащие некоммерческим организациям, государственной или муниципальной казне предприятия отчисляют прибыль на человеческий капитал наравне с обычными частными предприятиями. Все производственные или дополнительные расходы и инвестиции финансируются только за счет прибыли на физический капитал, которая остается после безусловного отчисления части

выручки предприятия, соответствующей прибыли на человеческий капитал.

Предприятие, которому вообще не требуются наемные работники (при этом по размеру выручки не относится к домохозяйствам), отчисляет прибыль на человеческий капитал в общем порядке. Ибо принцип разделения между прибылью на физический капитал и прибылью на человеческий капитал отражает отнюдь не экономическую целесообразность, но признание работника подлинным субъектом трудовой деятельности, свободным участником сферы производства. На предприятии без наемных работников один человек неизбежно вовлечен в производственный процесс, иначе говоря, так или иначе работает – это собственник физического капитала, под которым преимущественно понимается частный предприниматель или акционер, иной конечный выгодоприобретатель предприятия как коммерческой организации. Доход этого человека от собственности в составе предприятия заключается в прибыли на физический капитал, тогда как его доход как свободного трудающегося есть только универсальный трудовой доход, без которого здесь нет свободы.

Выручка собственника физического капитала от продажи принадлежащего ему предприятия или акций, равно как выручка от продажи предприятием используемого физического капитала (недвижимости, оборудования и пр.) не разделяется на прибыль на физический капитал и прибыль на трудовой капитал, то есть полностью принадлежит собственнику физического капитала. Предприятие также не отчисляет прибыль на человеческий капитал с вкладов в уставный капитал или имущество от нынешних или новых акционеров, поскольку такие вклады представляют собой чистый физический капитал.

Предприятие вправе (но не обязано) приглашать на ставку универсального трудового дохода такое количество работников, которое соответствует результату деления суммы прибыли, отчисляемой этим предприятием в общегосударственный фонд трудового капитала, на установленный размер универсального трудового дохода. Например, если универсальный трудовой доход составляет пятьдесят тысяч рублей, отчисляемая предприятием прибыль на человеческий капитал равняется пяти миллионам рублей, то предприятие может открыть сто вакансий на ставку универсального трудового дохода. Предприятие не несет никаких расходов в связи с наймом таких работников. Вознаграждение за труд выплачивается каждому работающему непосредственно фондом трудового капитала, а все налоги и сборы, включая подоходный налог, пенсионное страхование и пр., которые связаны с получением

работником дохода, относятся на счет работника. Обеспечивается свобода выбора места работы; допускается неполная занятость по соглашению между работником и работодателем при пропорциональном уменьшении причитающейся такому работнику суммы универсального трудового дохода; прием на работу, увольнение по инициативе работодателя, работника, безопасность труда, время работы и отдыха подчиняются обычным правилам. Предприятие может назначать работникам премии или выплачивать заработную плату сверх универсального трудового дохода, по необходимости приглашать дополнительных работников, занятость которых на предприятии не обеспечивается универсальным трудовым доходом, или привлекать подрядчиков, исполнителей по гражданско-правовым договорам. Однако все подобные расходы финансируются только из собственных средств предприятия без ущерба для отчисления прибыли на человеческий капитал.

Увеличение или уменьшение выручки предприятия, тем самым суммы отчисляемой прибыли на человеческий капитал соответственно определяет количество доступных данному предприятию штатных единиц на ставку универсального трудового дохода. Выработка мер и способов предотвращения нежелательного влияния на производственный процесс сезонных, краткосрочных колебаний выручки отдельного предприятия, равно как формирование необходимых резервов внутри общегосударственного фонда трудового капитала, срок и порядок законодательного пересмотра размера универсального трудового дохода (который в конечном итоге зависит от суммы полученных отчислений и общего количества работников) относятся к деталям практического осуществления, погружение в которые сейчас кажется не вполне уместным. Важнейшее решение по размеру отчисляемой предприятиями прибыли на человеческий капитал, то есть определение соответствующего этой прибыли процента от выручки (предварительно уменьшенной на сумму налога на добавленную стоимость), также должно приниматься и рассматриваться по необходимости путем открытого общественного обсуждения и демократического законодательного процесса при деятельном и добросовестном участии заинтересованных сторон, с учетом всех относящихся обстоятельств и условий. В настоящее время представляется вероятным, что подобное обсуждение большей частью будет ориентироваться на пятьдесят процентов, то есть разделение выручки поровну на прибыль на физический капитал и прибыль на трудовой капитал.

Работник управомочен на универсальный трудовой доход, если принимается на открытую предприятием вакансию на ставку (полноставки и пр.) универсального трудового дохода. В противном случае,

то есть если работник фактически трудится на предприятии, однако не занимает такую вакансию, универсальный трудовой доход не выплачивается. Впрочем, наличие свободных вакансий на ставку универсального трудового дохода нисколько не уменьшает размер отчислений на человеческий капитал, которые причитаются с предприятия. Выплата универсального трудового дохода останавливается после прекращения трудового договора по любому основанию на весь период вплоть до возобновления работником трудовой деятельности. Предоставление работнику из средств фонда трудового капитала увеличенного или дополнительного универсального трудового дохода, то есть сверх законодательно установленного размера, не допускается ни в каких случаях, в том числе при работе по совместительству на разных предприятиях. Право на получение универсального трудового дохода принадлежит, прежде всего, работникам, которые имеют гражданство, причем независимо от места жительства в стране, потому что допускается удаленная работа. Кроме того, универсальный трудовой доход может по обстоятельствам выплачиваться согласно общим законодательным правилам также работающим здесь гражданам других государств или лицам без гражданства. В любом случае собственник физического капитала расположенного в стране предприятия, который является иностранным гражданином, управомочен на получение универсального трудового дохода при занятости на вакансии такого предприятия.

Некоммерческие организации, государственная и муниципальная казна как таковая не производят никаких отчислений в общегосударственный фонд трудового капитала, потому что не нацелены на получение прибыли, тем самым не участвуют в образовании и росте капитала. Поэтому работникам таких организаций, государственным и муниципальным служащим универсальный трудовой доход не выплачивается. Наемный труд в некоммерческом секторе вознаграждается посредством традиционной заработной платы.

Универсальный трудовой доход радикально изменяет экономическую систему, преодолевает противоречие между трудом и капиталом, делает каждого трудящегося ради денег действительно хозяином своего труда. Универсальный трудовой доход впервые преобразует наемный труд в поистине правовое явление, общественное отношение согласно началу справедливости. Социально-экономическое устройство, которое может осуществиться благодаря универсальному трудовому доходу, не будет ни капитализмом, ни социализмом, но отрицанием обоих и посредством этого двойного отрицания подлинно позитивным общественным укладом на основе осмысленной и завершенной истории

того и другого. Подходящее наименование такой новой социальной системы — *цивилизм*⁴⁹⁵.

Заключение

Более справедливое общественное устройство после капитализма и после социализма не подразумевает ни наделения собственностью, ни безусловного безвозмездного дохода для каждого. Собственность всегда является частной, обладание которой зависит от индивидуальных усилий человека. Поэтому базовый доход или долевая собственность всех граждан на общее имущество лишь усиливает систему экономического господства в рамках капитализма, теперь окончательно подчиняющего новоявленного собственника поневоле. Каждая притягательность искусно маскирует антиправовой характер подобного решения экономических противоречий, на свой лад выражает противоправную тенденцию капитализма превращать человека в средство производства, только отдаляя от подлинного переустройства капиталистических отношений на началах права как особого социального регулятора, единственно воплощающего требования свободы, равенства и справедливости в общественной жизни.

Марксистское смешение двух особенностей капитализма — трудового отчуждения и отсутствия у наемных работников частной собственности, изображение капитала как якобы отрицания первоначальной частной собственности, основанной на индивидуальном труде собственника, за которым закономерно следует второе социалистическое отрижение (диалектическое отрицание отрицания), возрождающим собственность в новой форме как обобществленную собственность трудящихся, лишь затрудняет понимание сложной природы капитализма. Наемный работник в капиталистической ситуации оказывается отчужденным в трудовой деятельности, принужденным трудиться, тем самым несвободным вовсе не потому, что лишен частной собственности на средства производства. Обладание таким или иным имуществом является отпечатком субъективности, именно поэтому собственность выступает особым моментом человеческой свободы, сохранение которого в общественных отношениях составляет специфическую задачу

⁴⁹⁵ Термин, изначально предложенный В.С. Нерсесянцом для обозначения справедливого постсоциалистического общественного устройства, основанного на общей долевой собственности всех граждан на средства производства. Подробнее см.: Нерсесянц В.С. Указ. соч. С. 400–491. Несмотря на ошибочность его теории гражданской собственности, пафос этого термина кажется вполне уместным в посткапиталистической и постсоциалистической ситуации.

частного права, утверждающим и защищающим отнюдь не частную собственность как таковую, но свободу, равенство и справедливость в отношениях по поводу собственности, иначе говоря, достоинство человека как действительного или возможного частного собственника. Исторический прогресс свободы требует совсем не перераспределения собственности или полного устраниния частной собственности и имущественного обобществления, но подчинения закону свободы, юридическому принципу регулирования, впервые воплощенному в частном праве, других областей общественных отношений помимо имущественного обмена между собственниками.

При этом расширение действительной, подлинной или правовой свободы на новые социальные сферы, означающее переустройство соответствующих отношений согласно юридическому началу равновесия прав и обязанностей каждого, согласуется с особым характером каждой такой сферы, чтобы достигнутая тем самым конкретная свобода обеспечивалась устойчивым правопорядком, на особый лад выражающим и охраняющим общее благо людей в данной области общественной жизни. Поэтому почти принудительное наделение имуществом, превращение каждого в собственника, вообще любая монетизация или сведение свободы к деньгам отнюдь не выглядит правильным решением социальной проблемы несвободы. Такой подход не только искажает институт частной собственности и противоречит частноправовому регулированию, но также игнорирует особую природу проблемной социальной сферы, тем самым скорее усугубляет несвободу в общественных отношениях. Например, свобода гражданина государства обеспечивается конституционными правами и свободами, которые лежат в основании новоевропейского публичного права, распространившего правовое начало регулирования общественных отношений на область политической жизни. История законодательного закрепления прав и свобод, возникновения правового государства наглядно показывает, что свобода в публичной сфере принципиально не зависит от наличия у гражданина собственности. Сказанное видится не менее верным применительно к общественным отношениям материального производства, существенное содержание которых, как подсказывает опыт капитализма и социализма, определяется отнюдь не собственностью, но общественно полезным трудом.

Если бы трудовое отчуждение наемного работника при капитализме было обусловлено отсутствием у него частной собственности на средства производства, тогда капиталист, такими средствами обладающий, не находился бы в состоянии отчужденности. Однако капиталист

практически подчиняется капиталу, который вынуждает его трудиться подобно наемному работнику. Положение капиталиста несколько лучше, ведь он избегает эксплуатации, поскольку нет никакого господина или работодателя, который располагал бы трудовой деятельностью капиталиста. Эксплуатация выступает последствием трудового отчуждения, а не его смысловым содержанием. Однако именно незавидное положение эксплуатируемого наемного работника высвечивает подлинный источник трудового отчуждения при капитализме. Посредством механизма заработной платы труд рабочего как будто покупается капиталистом наподобие товара, тем самым включается в состав физического капитала, наравне с производственным оборудованием и пр. Возникает иллюзия работающего капитала. Марксистская социалистическая утопия вдохновляется обоснованным предположением, что мнимая работа капитала скрывает труд отчужденного работника, потерявшего себя в трудовой деятельности ради капитала. Реальный социализм доказывает, что работает вовсе не капитал, но трудящийся человек, который своим трудом создает и обеспечивает рост капитала в отсутствие капиталиста. Отсюда необходимость крушения социализма, победы капитализма над социализмом, которая показывает, что оставленное социализмом богатство является настоящим капиталом, пригодным для капиталистической экономики. Однако постсоциалистический переход к капитализму имеет важную особенность: наемному труду теперь противостоит порожденный исключительно трудом капитал, то есть трудовой или человеческий капитал. Картина превращения оставленного социализмом человеческого капитала в привычный для капитализма физический капитал, то есть принадлежащие капиталисту средства производства, становится предельным выражением обыденного, почти незаметного внутри сугубо капиталистической ситуации процесса присвоения капиталистами человеческого капитала наемных работников, одновременно намечает перспективу успешного разрешения основополагающего для капитализма противоречия между трудом и капиталом, иначе говоря, избавления от трудового отчуждения.

Поскольку путем социалистического опыта наемный труд доказывает свою значимость капитала, привлечение капиталистом работников сбрасывает ложную оболочку продажи и покупки труда или рабочей силы, выступает соответственно своей подлинной природе как ежедневно осуществляемая работником инвестиция, вклад принадлежащего ему человеческого или трудового капитала в коммерческое предприятие. Поэтому справедливое вознаграждение наемного труда достигается выплатой работникам прибыли на человеческий капитал

вместо заработной платы. Причем для надлежащего отделения прибыли на трудовой капитал от причитающейся капиталисту прибыли на физический капитал предприятие отчисляет полученную прибыль на человеческий капитал в общегосударственный фонд трудового капитала, который затем на периодической основе выплачивает каждому работнику, занятому на коммерческих предприятиях национальной экономики, *универсальный трудовой доход* строго одинакового размера. Отчисляемая каждым предприятием прибыль на человеческий капитал соответствует определенному законом проценту от выручки предприятия за вычетом налога на добавленную стоимость, например пятьдесят процентов от выручки. Принцип установления размера универсального трудового дохода в абсолютном выражении состоит в делении суммы полученных от предприятий отчислений на общее количество занятых полный день работников. Для предотвращения краткосрочных колебаний размера универсального трудового дохода на одного работника предусматривается законом, необходимые резервы общегосударственного фонда трудового капитала обеспечивают выплату установленного размера в течение некоторого времени до пересмотра. Количество вакансий на ставку универсального трудового дохода, которое вправе открыть предприятие, соответствует результату деления суммы прибыли на человеческий капитал, отчисляемой этим предприятием, на размер универсального трудового дохода. При найме работников на ставку универсального трудового дохода предприятие не несет никаких расходов по оплате труда или налоговых обязательств. Универсальный трудовой доход выплачивается индивидуально каждому работнику непосредственно общегосударственным фондом трудового капитала. Работник никогда не получает больше законодательно установленного размера универсального трудового дохода, в том числе при сверхурочной занятости. Предприятие не может уменьшать отчисляемую прибыль на человеческий капитал, даже если нуждается в меньшем количестве работников. Если предприятие привлекает больше работников или выдает работникам на ставку универсального трудового дохода дополнительное вознаграждение, подобные расходы также не уменьшают подлежащую отчислению прибыль на трудовой капитал, финансируются только за счет прибыли на физический капитал.

Возможное введение универсального трудового дохода не противоречит принципу частной собственности, тем самым нисколько не препятствует дальнейшему развитию частного права в своей области общественной жизни. Кроме того, универсальный трудовой доход распространяет правовое начало регулирования на новую социальную сферу — обще-

ственное отношения материального производства, устраниет трудовое отчуждение, обеспечивает подлинную свободу труда и справедливую оплату наемного труда. Работник и работодатель, объединенные нацеленным на получение прибыли коммерческим предприятием, отныне ясно осознают собственную инаковость или субъектность. Благодаря этому соответствующие отношения юридическим образом преображаются на основе равновесия прав и обязанностей каждого, причем правовая форма исключает любую зависимость или подчинение одной стороны отношения другой. Работник обязан трудиться, выполнять определенную функцию согласно трудовому договору с работодателем, при этом вправе требовать создания необходимых условий и представления средств труда. В отношении с общегосударственным фондом трудового капитала работодатель обязан отчислять прибыль на человеческий капитал и вправе открывать соответствующее количество вакансий на ставку универсального трудового дохода. Наконец, в отношении между общегосударственным фондом трудового капитала и работником последний вправе требовать выплаты универсального трудового дохода, но обязан делать вклад человеческого капитала, иначе говоря, занимать вакансию предприятия на ставку универсального трудового дохода, а не работать иным образом.

Предлагаемый универсальный трудовой доход закладывает основу нового социально-экономического устройства, в рамках которого свобода, справедливость и равенство между людьми получают дальнейшее существенное развитие согласно сугубо правовому принципу социального регулирования. Отныне капитализм и его антипод, социализм, действительно оказываются пройденными историческими этапами, противоречия и трагедии которых навсегда остались в прошлом и больше не калечат жизни людей. Цивилизм становится началом новой истории.

Библиографический список

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
2. Гегель Г. Феноменология духа // Сочинения. Т. IV. М.: Соцэкиз, 1959.
3. Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990.
4. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974.
5. Дождев Д.В. Римское частное право. М.: Норма, 1996.
6. Кант И. Критика практического разума // Сочинения. В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965.

7. Левинас Э. Тотальность и бесконечное // Избранное. Тотальность и бесконечное. М.—СПб.: Университетская книга, 2000.
8. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. I: Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Политиздат, 1960.
9. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Политиздат, 1961.
10. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. М.: Политиздат, 1974.
11. Мильль Дж. С. Основы политической экономии. Т. III. М.: Прогресс, 1981.
12. Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996.
13. Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Норма, 2011.
14. Парайс Ф. ван, Вандерборхт Я. Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Издательский дом ВШЭ, 2020.
15. Платон. Законы // Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль, 1994.
16. Пэйн Т. Аграрная справедливость // Избранные сочинения. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959.
17. Рёпке В. Коренные вопросы хозяйственного порядка // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм. М.: Экономика, 2002.
18. Россия в цифрах. 2019. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2019.
19. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000.
20. Слыщенков В.А. Право и нравственность: различия понятий. М.: Юрлитинформ, 2020.
21. Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006.
22. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010.
23. Хайек Ф.А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006.
24. Cunliffe J., Erreygers G. The Enigmatic Legacy of Charles Fourier: Joseph Charlier and Basic Income // History of Political Economy. 2001. Vol. 33. No. 3.